

Yuri A. Dzitssoity

South Ossetian State University, Tskhinvali, Republic of South Ossetia

On Criss-Crossing Isoglosses in the Vocabulary and Toponymy of South Ossetia

Voprosy onomastiki, 2018, Volume 15, Issue 3, pp. 78–104

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.030

Language of the article: Russian

Дзиццойты Юрий Альбертович

Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Республика Южная Осетия

О перекрестных изоглоссах в лексике и топонимии Южной Осетии

Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 78–104

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.030

Язык статьи: русский

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.030
УДК 811.221.18'282.2 + 811.221.18'373

Ю. А. Дзицойты
Юго-Осетинский
государственный университет
Цхинвал, Республика Южная Осетия

О ПЕРЕКРЕСТНЫХ ИЗОГЛОССАХ В ЛЕКСИКЕ И ТОПОНИМИИ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ*

В настоящей статье на материале диалектной лексики и топонимии Южной Осетии рассматриваются факты фонетической интерференции кударского и иронского диалектов осетинского языка. Будучи остаточным явлением, они свидетельствуют о былом смешении этих диалектов. Самым ярким показателем интерференции является то, что звуки, наиболее характерные для каждого из диалектов, стали использоваться в другом диалекте для придания слову большей экспрессивности. В иранистике описываемые явления принято называть термином *перекрестные изоглоссы* (В. И. Абаев, Д. И. Эдельман и др.). Этот термин используется не всеми учеными, а в некоторых исследованиях под перекрестными изоглоссами понимаются междиалектные (в ряде случаев также межъязыковые) лексические заимствования древнейшей поры. Не оспаривая в целом подобного подхода к интерпретации перекрестных изоглосс, автор настоящей статьи предпринял попытку показать, что перекрестные изоглоссы в своей основе все же являются свидетельством междиалектной фонетической интерференции. Происхождение данной категории изоглосс связано, как предполагал Э. А. Грантовский, с междиалектным взаимодействием и даже смешением, имевшим место в отдаленном прошлом. С проблемой перекрестных изоглосс коррелируют и вопросы субстратно-суперстратных и адстратных отношений между родственными языками или диалектами одного языка. Таким образом, установление перекрестных изоглосс имеет определенное значение не только для истории (в первую очередь — исторической фонетики) и диалектологии данного языка, но и для решения вопросов этногенеза и этнической истории.

* Автор приносит благодарность Джой Иосифовне Эдельман, прочитавшей работу в рукописи и сделавшей ряд ценных замечаний.

© Дзицойты Ю. А., 2018

Ключевые слова: Южная Осетия, осетинский язык, кударский диалект, иронский диалект, чисанский говор, топонимия, экспрессивная лексика, фонетическая интерференция, перекрестные изоглоссы.

1. К истории вопроса

В середине 1960-х гг. три выдающихся ираниста — И. Гершевич, В. И. Абаев и Э. А. Грантовский — привлекли внимание научного сообщества к проблемам исторической диалектологии иранских языков. Из поднятых ими многочисленных вопросов мы выделяем в нашей статье один, общий для всех трех работ и затрагивающий проблемы осетинской диалектологии. В нашем обзоре эти работы рассматриваются в порядке их выхода в свет.

В статье И. Гершевича, специально посвященной нерешенным вопросам иранской диалектологии [Gershevitch, 1965], рассмотрено несколько персидских слов, формы которых с точки зрения исторической фонетики являются незакономерными. Так, вместо перс. *šāh* ‘царь’ ожидалось бы **šāš*, вместо *šahr* ‘город’ — **šas*, вместо *sang* ‘камень’ — **hang*, вместо *buzurg* ‘большой’ — **buhurg*, вместо *asp* ‘лошадь’ — **as*, вместо *āsmān* ‘небо’ — **āhmān*, вместо *Fārsī* ‘персидский’ — **Pāhlī* и т. п. Эти и многие другие обыденные слова, противореча собственным персидским нормам, соответствуют фонологии мидийского языка. Неудивительно, — продолжает И. Гершевич, — что перечисленные слова были объявлены мидийскими заимствованиями, хотя при такой трактовке возникает много вопросов. Неясно, например, по какой причине древним персам понадобилось заимствовать мидийское *xšāyadua-* ‘царь’ > новоперс. *šāh*, если для ‘царства’ было название *xšassa-*? Зачем понадобилось заимствовать мидийское *vazyka-* ‘большой’ > новоперс. *buzurg*, если у древних персов было свое слово *mađišta-* ‘величайший’, от которого идет новоперс. *mahist*? Главный вопрос, вытекающий из этих и подобных примеров, автор сформулировал так: что мешает признать упомянутые слова персидскими?

Отвечая на свой вопрос, И. Гершевич попытался найти для каждого примера фонетическое объяснение на собственно персидской почве. По его мнению, возможная причина существования «незакономерных» форм заключается в том, что общеиранские **s* и **z* были регулярными рефлексам соответствующих индоевропейских палатальных смычных как в мидийском, так и в древнеперсидском языках¹, — однако начиная приблизительно со 2-й половины VI в. до н. э.

¹ В. И. Абаев и Э. А. Грантовский (см. ниже) говорят о переходе др.-иран. **s* и **z* в *š* и *ž* соответственно. Однако, как установила Д. И. Эдельман, индоевропейские палатальные смычные перешли в раннем праиранском в **š* и **ž*, которые в юго-западных иранских языках отразились в виде *š* (> *h*) и *ž* (> *d*), а во всех остальных — в виде *s* и *z* [Эдельман, 1986, 14, 38 и след., особенно см. схемы на с. 43, 46, 56; Эдельман, 2009, 14, 19 и след.]. Эта точка зрения разделяется в [Расторгуева, 1990, 61–62], несколько иначе в [Гамкрелидзе, Иванов, 1, 105–106, 108].

наметилось их факультативное развитие в *ḍ* и *ḍ* соответственно. Исходя из этого, такие примеры, как *aḍanga-* и **asanga-* ‘камень’ или *tṛsa-* и **tṛḍa-* ‘бояться’, были ничем иным, как взаимозаменяемыми фонетическими реализациями одного и того же слова, а последующий выбор в пользу одной из них носил случайный характер [Gershevitch, 1965, 13].

Сказанное верно и для ср.-перс. *šahr* ‘царство’, где кластер *hr* восходит к др.-иран. *ḍr* (< и.-е. **tr*), отразившемуся в мидийском и авестийском языках как *ḍr* (ср. авест. *xšaḍra-* ‘царство’, *puḍra-* ‘сын’), а в древнеперсидском — в виде эмфатического сибиланта *ṣṣ* (*xšaṣsa-*, *pussa-*) — в среднеперсидском он отразился как *s*, например в слове *pus* ‘сын’. Однако древнеперсидский эмфатический сибилант развился и из сочетания *ḍr*, восходящего к **śr*, например в *ni-ṣṣi-* ‘передавать’ при авест. *ni-sri-*. Значит, к тому моменту, когда наметился переход **s > ḍ*, тенденция к переходу *ḍr* (< **tr*) в эмфатический сибилант либо была уже в силе, либо только началась, захватив в свою орбиту и кластер *ḍr* < **śr*. Следовательно, кластер *ḍr* в словах со значениями ‘царство’ и ‘сын’ мог быть не только в мидийском, но и в древнеперсидском. И если в некоторых среднеперсидских словах мы находим *hr* из *ḍr*, а в других словах — *s* из *ṣṣ*, то эти группы слов идут не из двух разных персидских диалектов. Формы с кластером *ḍr* какое-то время сосуществовали с формами, включавшими эмфатический сибилант, но затем в одних словах возобладало произношение с *ḍr*, впоследствии закономерно перешедшим в *hr*, а в других словах верх взяла сибилантная артикуляция [Gershevitch, 1965, 13].

Что касается таких древнеперсидских параллельных форм, как *asa-* / *aspa-* ‘лошадь’, *visa-* / *vispa-* ‘все’ и т. п., то в этом случае картина совершенно иная: арийское **św* на древнеперсидской почве могло отразиться в виде **s/ḍ*, **sw/ḍw*, но не в виде *sp*, поэтому формы *aspa-*, *vispa-* и подобные следует признать заимствованиями из мидийского языка. Заимствование могло произойти по двум причинам: во-первых, в силу превосходства мидийской культуры над персидской, а во-вторых — из-за наличия какой-то части мидийцев в персидской среде. Однако и в этом случае можно допустить, что при дворе персидских царей, где практически все владели мидийским, произношение некоторых слов было «подстроено» под произносительную норму мидийского языка [Gershevitch, 1965, 15–18, 28].

Оценивая наблюдения И. Гершевича в целом, можно отметить, что в его трактовке перекрестные изоглоссы² означают в первую очередь результат внутреннего вариативного развития некоторых фонем; в ряде случаев изоглоссы объясняются заимствованиями из соседних диалектов, подражанием произносительной норме более престижного диалекта (языка), а в отдельных случаях и междиалектным смешением.

² Этим термином И. Гершевич не пользовался.

К близким выводам пришел В. И. Абаев — на материале, расширенном за счет как осетинских данных, так и данных целого ряда индоевропейских, картвельских, дагестанских и тюркских языков.

В осетинском языке есть три слова, в которых общеиран. *ś отразился в виде *ʃ, который затем перешел в *t. færaet* ‘топор’, *rætaen* ‘толстая веревка’ и *talm* ‘ильм’. Учитывая то, что развитие др.-иран. *ś > *ʃ является характерной чертой юго-западных языков, В. И. Абаев сначала квалифицировал названные слова как заимствования из древнеперсидского [Абаев, 1945; 1949, 138–143; 1, 451]. Однако др.-перс. **rađana-*, восстанавливаемое на основе осет. *rætaen*, нигде не засвидетельствовано: во всех новоиранских языках западной группы представлена форма с *-s-*, которая также ожидалась бы в осетинском, — ср. новоперс. *rasan* ‘веревка, канат, трос, шнур’, семн., ласг., санг. *rason* ‘веревка, сплетенная из шерсти и волоса’ и т. п. Эти формы указывают на древнеиранский этимон **raśana-*.

Таким образом, в рассматриваемом осетинском слове отражена фонетическая норма несуществующего древнеперсидского слова, а в новоперсидском, наоборот, норма несуществующего осетинского³. Следовательно, заключает В. И. Абаев, осетинский язык в данном случае как бы поменялся звуковой нормой с персидским. В качестве наименования для подобных нарушений звуковых норм В. И. Абаев предложил термин *перекрестные изоглоссы* [Абаев, 1968, 247–263]⁴, но наряду с ним использовал также описательное наименование *междialeктное переплетение звуковых норм* [Абаев, 2, 382]⁵.

В середине 1980-х гг. В. И. Абаев вновь вернулся к проблеме перекрестных изоглосс — он еще раз подчеркнул, что «в группе родственных языков, из которых каждый характеризуется определенными тенденциями и закономерностями звукового развития, обязательно будут встречаться случаи, когда отдельные слова в каком-либо из языков, входящих в эту группу, имеют фонетический облик, характерный не для этого языка, а для другого или других родственных языков. Иными словами, в каждом из родственных языков заложены в се возможности и направления звукового развития, присущие группе в целом. Но в каждом языке одно из этих направлений реализуется как господствующая норма, как “закон”,

³ В старых заимствованиях из иранского (ср. арм. *arasan* ‘веревка’, араб. *rasan* ‘веревка, повод, недоуздок’) рассматриваемое слово также представлено с *-s-* [Цаболов, 2, 193]. Из языков восточноиранской группы это слово представлено в афг. (пушту) *rasəu* ‘веревка’, мундж. *lāsa* ‘веревка’ и др.

⁴ Перепечатано в [Абаев, 1995/2, 510–529].

⁵ Учитывая сван. *arsän* ‘канат; цепь’, источником заимствования которого был, «всего вероятнее, аланский», В. И. Абаев предположил, что в аланском бытовала и «нормальная» форма **ræsaen* [Абаев, 2, 382–383]. Между тем сванское слово могло быть заимствовано из армянского. Аланское же *rætaen* представлено в абхазском *a-ratən* ‘ремень особой выделки’ [Бгажба, 1988, 142], ‘ремень (часть пахотного орудия труда)’ [АбхРС, 2, 102]. Из персидского или какого-то другого иранского языка заимствовано изолированное на дагестанской почве андийское *rošan / rošen* ‘веревка’, о котором см. [СКЯ, 134].

а другие представлены единичными случаями, “исключениями”» [Абаев, 1986, 12–13]⁶.

Э. А. Грантовский, рассмотрев близкие вопросы на широком иранском фоне, пришел к выводу, что юго-западные фонетические нормы в некоторых северо-западных и восточноиранских языках являются следствием древнейших контактов между предками этих языков [Грантовский, 1970, 144–162; 1998, 124–138]. В числе прочего Э. А. Грантовский рассмотрел и развитие др.-иран. *ś > *θ на скифской почве: «На древнее и независимое от персидско-ахеменидского влияния бытование “юго-западных” форм в Юго-Восточной Европе указывают имена скифских царей в Северном Причерноморье VII — 1-й пол. V в. до н. э.: Σπαργαλειίδης и Ἀριαλείδης <...> с θ вместо s. То же имя *Spargapaisa, уже в общеиранской форме, носил массагет Σπαργαπίσης» [Грантовский, 1970, 162].

Выводы Э. А. Грантовского вполне подошли бы и для объяснения в духе перекрестных изоглосс осетинского t в словах *feræet*, *raetæn* и *talm*. Однако С. Р. Тохтасьев, оценивая эти и подобные примеры с позиций гипотезы В. И. Абаева о перекрестных изоглоссах, приходит к выводу, что междиалектное переплетение звуковых норм реально «могло осуществляться лишь путем заимствований из одного языка или диалекта в другой» [Тохтасьев, 2005, 101]. С этим мнением солидаризировался С. В. Кулланда, который признал осетинские *feræet*, *raetæn* и *talm* заимствованиями из скифского языка [Кулланда, 2016, 96, 113; см. также: Эдельман, 2007, 331–332]⁷. Между тем В. И. Абаев утверждал прямо противоположное: «Обычно такие факты объясняют заимствованием из одного диалекта в другой. Но такое объяснение не всегда находит поддержку в реальном положении вещей» [Абаев, 1968, 248].

Ниже мы вернемся к этому вопросу с тем, чтобы показать, что перекрестные изоглоссы отражают в первую очередь воздействие одного из двух контактирующих языков или диалектов на фонетическую систему второго языка или диалекта, и лишь в последнюю очередь — лексические заимствования.

Остается добавить, что у Э. А. Грантовского осет. *ældar* ‘господин; князь’ возведено к др.-иран. *arzah- ‘битва, сражение’ + суффикс [Грантовский, 1970, 214–216]⁸.

⁶ Перепечатано в [Абаев, 1995/2, 565–591].

⁷ Кроме того, С. В. Кулланда приписывает развитие др.-иран. *ś > θ скифскому языку в целом [Кулланда, 2016, 6, 43, 51–52, 59, 64, 75, 90, 92], а все случаи появления скифского s из *ś рассматривает как заимствования из соседних языков [Там же, 50, 68, 85–86]. При этом С. В. Кулланда настаивает на отнесении скифского языка к числу юго-восточных иранских языков, хотя в этой группе нет ни одного языка, отражающего развитие др.-иран. *ś > θ: эта черта характерна исключительно для юго-западных иранских языков. В то же время по другому поводу С. В. Кулланда замечает: «Скорее следует признать, что скифские цари могли носить западноиранские или иные арийские по происхождению имена» [Там же, 77, 117]. Этот вывод можно перенести и на остальной материал.

⁸ Ср. также общеиран. *zasta- > *dasta- ‘рука’ [ЭСИЯ, 2, 371].

В 1980 г. английский иранист Г. В. Бейли посвятил специальную статью языку осетинского (нартовского) эпоса, выявив в нем целый ряд слов, оформленных по нормам родственных иранских языков (в основном сакского) [Bailey, 1980, 237, 240, 242–244, 249, 250, 254–256, 260, 261]. Эти слова, а также ряд архаичных форм, «законсервированных» в языке эпоса, Бейли назвал «диалектно-эпическими» (*dialectal epic*) [Там же, 237]. И хотя этот автор не пользуется термином *перекрестные изоглоссы*, для нас важно, что анализируемое явление описано на примерах, свидетельствующих о былых контактах осетинского языка с иранским языком, принадлежащим к юго-восточной группе.

Кроме того, Г. В. Бейли отметил ряд изоглосс, наблюдающихся между иронским и дигорским диалектами осетинского языка [Bailey, 1980, 243, 260]. На аналогичные иронско-дигорские перекрестные изоглоссы обращал внимание и В. И. Абаев [1968, 247; 2, 43, 198; 4, 309]⁹. М. И. Исаев, рассмотрев эти и некоторые другие иронско-дигорские перекрестные изоглоссы, приходит к следующему вполне убедительному выводу: «Нельзя убирать со счетов и тот несомненный факт, что после вторичной встречи на Кавказе иронского и дигорского племен произошло значительное вторичное сближение их речи. Это, как нам кажется, могло послужить одной из причин образования так называемых “перекрестных изоглосс” в осетинских диалектах» [Исаев, 1987, 542].

Проблему перекрестных изоглосс на славянской почве рассмотрел в одной из статей О. Н. Трубочев [1972, 3–8]. Однако в качестве названия для фонетической интерференции российский ученый предпочел употреблять термин *нерегулярные фонетические изменения*, а по поводу предложенного В. И. Абаевым термина заметил следующее: «Близкие вопросы исследовал на различном языковом материале В. И. Абаев, который определяет подобные явления как *п е р е к р е с т н ы е* и *з о г л о с с ы*, что, возможно, подходит для изучения фактов близкородственных или территориально смежных диалектов, в иных же случаях способно скорее дать повод к недоразумениям, поскольку нельзя полностью лишать понятие “изоглоссы” линейного смысла» [Там же, 3–5]. Поскольку у В. И. Абаева речь идет именно о перекрещивающихся *ли н и я х* на диалектологической карте, отражающих фонетические явления в близкородственных и смежных диалектах, мы предпочитаем оставаться на его позиции.

Обсуждая аналогичную ситуацию в славянских языках, Д. И. Эдельман резюмировала свои наблюдения так: «В. И. Абаев относит такие случаи к категории “перекрестных изоглосс” и считает, что в славянских языках имеет место

⁹ В другом месте Г. В. Бейли выделяет в осетинском языке суффикс *aq-*, восходящий якобы к др.-иран. **āka-* [Bailey, 1998, 29]. Между тем приводимые им примеры являются словами с экспрессивным значением, их словообразовательная структура современным носителям языка неясна. Следовательно, перебой **-g > -q* мог произойти только в цельнооформленных лексемах, а не в их суффиксе — ср. спорадический перебой **k > q*, присущий всем диалектам осетинского языка [Абаев, 3, 141].

отражение и.-е. *k̂, *ĝ, *ĝh в виде как *s*, *z*, так и *k*, *g* <...>. Не оспаривая этого положения и самого понятия “перекрестные изоглоссы” в целом, хотелось бы добавить, что каждый случай, входящий в такую группу слов с закономерными исключениями, нуждается во всестороннем анализе и объяснении, поскольку причины этих исключений могут быть различными: фонетическими (включая фонемную синтагматику и просодические моменты), морфологическими (например, парадигматическое выравнивание в разные языковые эпохи), фонетико-синтаксическими (например, сбои в анлауте, связанные с явлением внешнего сандхи), лексическими (ранние заимствования, не всегда легко распознаваемые; изменения по аналогии с другими, сходными по семантике, словами и т. п.), социолингвистическими (уподобление произнесения какого-либо слова аналогичному слову “престижного” языка в данном регионе) и т. д.» [Эдельман, 2002, 29].

На иранском материале перекрестные изоглоссы рассматривались в исследованиях Т. Н. Пахалиной (памирские языки) [Пахалина, 1983, 4], Р. Л. Цаболовым (курдский язык) [Цаболов, 1, 177–178, 279], В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман (общеиранские данные) [ЭСИЯ, 1, 143]. На материале языков Океании эту проблему разрабатывал Нильс Холмер, который специально отметил следующее: «В статье, озаглавленной “О перекрестных изоглоссах”, профессор Абаев выдвигает теорию, которая, по мнению автора этих строк, заслуживает быть помещенной среди основных принципов сравнительного языкознания и которую можно считать самым важным явлением в той области, к которой относится изучение и анализ понятия ф о н е т и ч е с к и й з а к о н» [Holmer, 1977, 297].

Таким образом, причины возникновения перекрестных изоглосс в целом ясны. В настоящей статье на примере взаимодействия иронского и кударского диалектов осетинского языка мы рассмотрим перекрестные изоглоссы в лексике и топонимии Южной Осетии.

2. О перекрестных изоглоссах в лексике

2.1. Краткие сведения по диалектологии осетинского языка

До недавнего времени в осетинском языке различали два основных диалекта — иронский и дигорский — и третий, условно говоря «неосновной», — кударский (джавский) [Абаев, 1963, 13, 22]. Это деление впервые предложил академик А. М. Шёгрэн [1844, 13–14, 20, 31], однако в 1970-е гг. М. И. Исаев выдвинул на роль третьего — «неосновного» — диалекта так называемое уаллагкомское наречие, которое, по его определению, представляет собой «смешанную иронско-дигорскую языковую систему» [Исаев, 1976, 66; 1981, 14; 1987, 541]. Это означает, что в уаллагкомском наречии нет ничего, что не отражало бы соответствующих черт либо иронского, либо дигорского диалектов [Исаев, 1959, 96].

В этом убеждают не только материалы и исследования В. Ф. Миллера и М. И. Исаева, но и наши экспедиционные записи 1987–1988 гг.: архаичные

и независимые черты развития выявлены нами в фольклоре и мифологии уаллагкомцев, но не в их языке. Напротив, кударская речь¹⁰ обнаруживает черты, не выводимые ни из иронского, ни из дигорского диалектов, часть которых восходит к древнеиранскому уровню.

Это, во-первых, кударские фонемы *č* и *ž*, восходящие непосредственно к древнеиранским **č* и **ž*. На их месте в иронском и дигорском диалектах находим свистящие *c* и *z* [Ахвледиани, 1960, 58–59, 107–116; Harmatta, 1970, 75–76]. Во-вторых, есть некоторые особенности кударской морфологии, продолжающие тенденции, заложенные еще в древнеиранскую эпоху, но отсутствующие в морфологии других диалектов осетинского языка [Gershevitch, 1991; 1992; 1998; см. также: Дзиццойты, 1, 101–112, 113–120]. В-третьих, известны некоторые лексемы кударского диалекта, отсутствующие в иронском, но восходящие к общеиранскому пласту [Дзиццойты, 1, 87, 92]. Наконец, в кударском отмечаются инновации в области морфологии, не представленные ни в иронском, ни в дигорском диалектах [Там же, 93–100].

Совокупность этих и некоторых других данных и позволила автору этих строк присоединиться к мнению тех ученых, для которых кударский является самостоятельным диалектом, а не говором иронского.

2.2. Рефлексы древнеиранских шипящих аффрикат в диалектах осетинского языка

Соответствие иронских *c* и *z* кударским *č* и *ž* практически не знает исключений и носит дифференцирующий характер, являясь самым важным расхождением между этими диалектами в области фонетики. Следует добавить, что в конце XIX — начале XX в. в этих диалектах произошла спирализация аффрикат: в большинстве говоров иронского диалекта *c* и *z* перешли соответственно в *s* и *z*, а в большинстве говоров кударского диалекта *č* и *ž* перешли в *š* и *ž*. Несмотря на эти различия, в иронских говорах sporadически появляются кударские *č* и *ž*, а в говорах кударского диалекта — иронские *c* и *z*.

Рассмотрим сначала иронские факты.

▪ Ирон. *čitt* ‘брысь’. Обычные формы этого междометия в иронском диалекте — *æcytt*, *cytt*, *citt*, *ucit*, *acit* ‘брысь! (на кошку)’ [Миллер, 3, 1333], *æcitt* [ИУД, 148; ИАД, 1, 509].

¹⁰ В Южной Осетии различаются три территориальных варианта осетинского языка: кударский (неточно называемый также джавским), рукский (цалагомский) и чисанский (ксанский). Из них только два последних являются говорами иронского диалекта. Наименование *кударский*, которому мы отдаем предпочтение как наиболее точному, sporadически встречается и у других авторов: «кударский говор» [Абаев, 2, 357], «джавско-кударский говор» [Абаев, 1963, 22, 23], «дзауаг (кæнæ къуыдайраг)», т. е. «дзауский (или кударский)» [Куыдзойты, 2014, 36]. Б. А. Калоев ошибочно считает *джавский* и *кударский* названиями двух разных говоров [Калоев, 1999, 6].

▪ Ирон. *џох-тох кæнун* ‘колебаться, сомневаться, быть в нерешительности’, *џох-тох нæ кæнун* ‘действовать решительно, без колебаний, без оглядки, без обиняков; не бросать слов на ветер’. Форма *сих-мухта* употребляется в значении ‘намеки’, а *сих-тих* в значении ‘пустяковое дело’.

В словарях осетинского языка находим только *сих-тих* ‘шатание’, *сих-тих кæнун* ‘пошатываться (при ходьбе)’ [ИУД, 517], *асих-мух(тæ) кæнун* ‘покачнуться, зашататься’ [ИÆД, 1, 207]¹¹.

Нет сомнений, что все перечисленные слова являются семантическими дериватами одного этимона. Мы полагаем, что в основе всех этих дериватов лежит значение ‘ходить зигзагами’ → ‘колебаться, шататься’, присущее всем диалектам осетинского языка. Отсюда ‘говорить зигзагами’ → ‘намекать’, ‘колебаться’ → ‘сомневаться’, отсюда и ‘пустяковое / сомнительное дело’.

Любопытно отметить, что форма *џох-тох*, формально являющаяся кударской, в кударском диалекте не зафиксирована¹². А наличествующая в кударском форма *џих-тих*, несомненно, восходящая к более старой, незафиксированной форме **џих-тих* (< **џох-тох*), имеет только одно значение: ‘ходить пошатываясь / покачиваясь’. Таким образом, иронское *џох-тох* не может рассматриваться в качестве заимствования из современного кударского диалекта.

О солидном возрасте иронского *џох-тох* свидетельствует, на наш взгляд, не получившее удовлетворительного объяснения русское (южные говоры) *чох-мох* в выражении *чох-мох ни понимает* ‘ничего не понимает’ [Фасмер, 4, 373], которое можно рассматривать как заимствование из аланского. Очевидно, исходное значение русского выражения — ‘не понимать намеков’¹³.

Этимологически значимой частью осет. *џох-тох*, как и более обычных форм *сих-тих* / *џих-тих*, является *џох-/сих-/џих-*, которая, на наш взгляд, восходит к др.-иран. **џаи-ка-* — производному от др.-иран. **каи-* : *ки-* : *џаи-* ‘гнуть(ся); извивать(ся)’, ‘сгибаться, выгибаться’, ‘вогнутый, выпуклый’ и т. д. [ЭСИЯ, 4, 355 и след.]. Что касается второй части, *-тох/-тих*, то она, видимо, возникла в результате редупликации основы. Аналогичное словообразование, выражающее собирательность, обобщение с экспрессивным оттенком, находим в ягнобском языке [Хромов, 1987, 664].

▪ Ирон. *æмџеллау* ‘сотрясение’ — ср. дигор. *ænzellaw* ‘то же’. В кударском диалекте слово не отмечено.

¹¹ Ср. дигор. *сих-пих* ‘без обиняков’, чисан. *сиу-муқта кæнун* ‘ходить зигзагами, пошатываясь’ (сообщение Walyty Madinae).

¹² В кударском имеются и другие слова, образованные по данной модели, например *џеха-теха(тæ)* / *џиха-миха(тæ)* ‘небрежно, аляповато, наспех, кое-как’.

¹³ Случайно ли это созвучие с коми-зырянским *чукль-мукуль* ‘зигзаг, изгиб, извилина’, о котором см. [КЭСЯ, 177–178, 313]?

▪ Ирон. *dælžinyg, dælžinæg* ‘унижение; пропасть, преисподняя’; зафиксировано также в формах *dælžinyg, dælžinæg* [ИЭД, 2, 230]. В кударском диалекте отмечена только форма *dælžinyg*.

Слово делится на *dæl-* ‘нижний’ + *žin-/žin-* + суффикс *æg-/yg-*. Корень *žin-/žin-*, возможно, восходит к др.-иран. **gai-* : *ǰī-* ‘преодолевать, пересиливать; разрушать; устранять насильственно’, о котором см. [ЭСИЯ, 3, 112; 4, 140]. Сложение в целом могло означать «силой (*ǰī-na-*) (обращенный) вниз (**adari-*)» → «повергнутый», «униженный»¹⁴.

▪ Ирон. *donžaxi* ‘слишком жидкий (о супе)’. Обычная форма этого слова в иронском — *donzaxi* [ИЭД, 2, 256], но зафиксирована также форма *donžaxi*, которая представлена и в кударском диалекте.

В этимологическом плане *donžaxi / donzaxi* разлагается на *don* ‘вода’ и ныне самостоятельно не употребляемое *žax-/zax-*, восходящее к др.-иран. **čak-* ‘капать; лить, литься (по каплям)’, откуда идут также перс. *čāq*, афг. (пушту) *čāṛ*, хорезм. *c'k* [*cāk*] ‘полный, налитый до краев’ [ЭСИЯ, 2, 211–213], осет. *zag / izag* (< **či-čak-*) ‘полный, наполненный’ [Абаев, 1, 387–388; ЭСИЯ, 2, 213]. Конечный *-i* — суффикс. Таким образом, *donžaxi / donzaxi* в архаизирующем переводе означает «наполненный водой» → «жидкий».

▪ Ирон. *žyžy / zyžy* ‘бабка на задней ноге у лошади’, дигор. *zigina* ‘то же’ [Миллер, 1, 520]. В этом примере можно предполагать дистантную ассимиляцию *žž > žž*.

Приведенные факты позволяют сделать ряд предварительных выводов.

Во-первых, общее количество иронских слов, оформленных по фонетической норме кударского диалекта, ничтожно мало.

Во-вторых, среди перечисленных слов нет ни одного, которое принадлежало бы к основному лексическому фонду.

В-третьих, практически каждая из приведенных лексем имеет экспрессивное значение, что позволяет высказать догадку о придании слову данного значения именно за счет звуков *č* и *ž*, противостоящих обычным (и потому нейтральным, лишенным экспрессивности) звукам *c* и *z*.

В-четвертых, все рассмотренные слова наряду с необычной формой с *č* или *ž* имеют и обычную, менее экспрессивную форму с *c* или *z*.

В-пятых, как отмечалось выше, форма *čox-tox*, отсутствующая в кударском диалекте, не может являться заимствованием из этого диалекта в иронский.

Разумеется, фонологическая система иронского диалекта имела все шансы приспособить анализируемые слова к своим нормам. И если этого не произошло, то, очевидно, по той причине, что звуки *č* и *ž* обладали особой выразительностью, придававшей словам экспрессивный оттенок.

¹⁴ Не отсюда ли осет. *žink* ‘чур’ ‘черт’? Ср., впрочем, груз. *č'ink'a* ‘домовой’.

Прежде чем перейти к рассмотрению кударских фактов, необходимо отметить, что в чисанском говоре иронского диалекта, ареал которого находится на юго-востоке Южной Осетии, спорадически также встречаются *č* и *ž*, однако не в приведенных выше, а в других словах. Ср.: *ačyrdaem* ‘сюда, в эту сторону’, *učyrdaem* ‘туда, в ту сторону’, *kæčyrdaem* ‘куда, в какую сторону’, *čom* ‘пойдем(те)’, *čad* (наряду с *cad*) ‘озеро; лужа’, *čæžyng* (наряду с *cažyng*) ‘столб’, *žortt-žortt* ‘тяжелая трусца’ и т. п. [см.: Дзицойты, 2008, 20, 187]. Эти факты говорят о смешении иронского диалекта с кударским в чисанском ареале [Там же, 32]. Однако речь должна идти о независимом от североиронского смешении — иначе совпадали бы лексемы, в которых иронские *č* и *ž* отражают кударские *č* и *ž*.

Обратимся теперь к кударским формам с согласными *c* и *z* в нарицательной лексике. Поскольку они пока не изучены, мы приводим их полный список.

▪ Кудар. *ærgica-gica kænyn* ‘приласкать; привязать к себе ласковыми / льстивыми словами’. В [ИЭД, 1, 403] — *ærgico-gico kænyn* ‘то же’. Очевидно, производное от *kica* ‘кошка’.

▪ Кудар. *buci* ‘собака, собачка’ (детское), ‘подзывная кличка собаки’, реже *buči*, *tuči* ‘то же’. В чисанском говоре — *buci* / *puči* ‘то же’. Очевидно, связано с памирскими фактами: ср. шугн. *buc* ‘дитя, ребенок; детеныш (животных); птенец, птенчик, цыпленок’, *puč* ‘сын; сынок’, вахан. *bəc* ‘небольшой, маленький (о круглых предметах)’ и т. п. [Дзицойты, 2008, 148].

▪ Кудар. *fycyl* ‘злая (о женщине; о собаке)’, ‘злонравная женщина; бой-баба’. В иронском — *fydysl* ‘то же’ < *fyd* ‘дурной, плохой’ + *syl* ‘женщина’ [Абаев, 1, 489; 3, 193].

▪ Кудар. *gycyl*, *gyc’yl*, *gyččyl*, *gyč’yl*, *čyčyl*, *cycyl* ‘маленький’. В иронском — *gycyl*, *čysyl*, *gyc’yl*, *gyzyl*, *gyzyl*, *zycyl*, *zyc’yl* [Абаев, 1, 528, 614]. Безусловно, перед нами «детское» слово [Там же, 528].

▪ Кудар. *ziba* ‘курочка’ — ирон. *ziba* ‘цыпленок’ [ИУД, 224]. Ср. рус. *цыпка*, *цыпочка*, *цыплёнок*.

▪ Кудар. *zipp-zipp-zipp* ‘цып-цып’ — см. предыдущее слово.

▪ Кудар. *zyzza* ‘горячо!’ (детское). Ср. ирон. *byzza*, чисан. *zyzza* ‘то же’, язгулям. *cis(s)* (детское) ‘горячо!’ [ЯРС, 51], *jič mad-* ‘обгореть, обжечь(ся)’ [Там же, 118], парья *žiz* ‘горячий’ (детское), тадж. *žizyin* ‘опаленный, сожженный’, узб. *žiz* и пр. [Оранский, 1977, 435; см. также: Дзицойты, 2008, 123]. Звукоподражательное слово.

▪ Кудар. *kica* (наряду с *kisa*) ‘киса, киска’.

▪ Кудар. *zæp’æna* ‘низкий, коротышка, «карлик», ‘замухрышка’ < **zæp’æna* — ср. дигор. *zæbaen* ‘кизяк’, ирон. *bæzæn* / *bæzæn* ‘то же’ [Абаев, 1, 257] < (метатеза) **zæbaen* < **zæbaen*. Чисто кударская форма представлена в *p’æžæn* < **p’æžæn* < **žæp’æn* < **žæbaen* ‘нечто наклепленное / намазанное тонким слоем’, ‘нечто прилипшее / приклеившееся (в прямом и переносном смысле)’. В основе этих слов

лежит др.-иран. **šar-* ‘пришлепывать(ся), прихлопывать(ся)’ → ‘приклеивать(ся)’, о котором см. [ЭСИЯ, 2, 221 и след.]. Перебой *b > p*’ носит экспрессивный характер.

В приведенных примерах иронский и кударский диалекты действительно поменялись фонетическими нормами¹⁵. Но эта мена имела вполне прозрачную цель — характерные фонемы соседнего (а в прошлом субстратного / суперстратного) диалекта были использованы для придания соответствующим словам большей экспрессивности. Похоже, на каком-то этапе истории осетинского языка эти фонемы считались более выразительными, более подходящими для выделения определенных слов из общего ряда.

3. Перекрестные изоглоссы в топонимии

На наличие старых шипящих аффрикат *š* и *ž* в топонимии цокающих говоров Южной Осетии впервые указал Г. С. Ахвледиани [1960, 57–59]. Его список был пополнен автором данной статьи [Дзиццойты, 2008, 20 и след.], но первоначально он включал только топонимы, извлеченные из письменных источников. Полевой сбор топонимического материала [см.: ТЮО] позволил не только расширить этот список, но и обнаружить в ареале кударского диалекта топонимы с согласными *c* и *z*. Ниже мы приводим этот материал — без учета тех форм, в которых эти согласные возникли из осетинских *k* и *g* в позиции перед гласными переднего и смешанного рядов.

3.1. Кударские топонимы

3.1.1.1. Кударское *z* из иронского *z*

- *Æxsærzæn* ‘Водопад’ [ТЮО, 1, 230].
- *Æxsærzæn / Æxsærzæntæ* ‘Водопад’ [ТЮО, 1, 230].
- *Zeranty kom* ‘Ущелье Дзерановых’ [ТЮО, 1, 232].
- *Zigojty mæsyg* ‘Башня Дзигоевых’ [ТЮО, 1, 513].
- *Zuk’aty wyng* ‘Квартал Дзукаевых’ [ТЮО, 2, 124].
- *Qædzarvæz* (< *qædy* ‘леса’ / ‘лесного’ + *žvary* ‘святылища’ + *fæz* ‘поляна’) — название поляны на опушке леса с давно исчезнувшим священным буком посередине [ТЮО, 2, 516].

3.1.1.2. Топонимы с *z* и *ž* в составе одной формы

- *Zappu žyqq* ‘Овражек Дзапп’ [ТЮО, 1, 356], сюда же *Astæwkkag Zappu žyqq* ‘Средний овражек Дзапп’ [Там же, 366]. Компонент *Zapp* неясен; ср. чисанский топоним *Zæppaž* ‘Склеп’ [ТЮО, 2, 524].

¹⁵ В ряду примеров мы не рассматриваем энклитическое местоимение 3 л. *sæ* ‘их’, употребительное как в иронском, так и в кударском диалектах, возникшее в результате диссимилиации из общеосет. *sæ* [Абаев, 3, 50–51] в сочетаниях *æz sæ* ‘я их’ > *æz cæ* и пр.

3.1.1.3. Топонимы с $з < с'$ (по диссимиляции?)

- *Zyŋžynu ugærdæn* ‘Луг (у) топкого места’ [ТЮО, 1, 462], ср. осет. *с’уŋžун* ‘топь, болото’.
- *Gyžyl qæd* ‘Маленький лес’ [ТЮО, 2, 387], ср. *Gys’yl qæd* ‘то же’ [Там же].

3.1.1.4. Топонимы с $з < груз. з$

- *Napuzari* ‘Пахотная земля’ [ТЮО, 2, 76, 77].
- *Napuzaritæ* ‘Пахотные земли’ [ТЮО, 2, 76].

3.1.2.1. Топонимы с $z (< з)$

- *Æxsærzæntæ* ‘Водопады’ (см. выше 3.1.1.1).
- *Æxsærzæny swadon* ‘Родник (у) водопада’ [ТЮО, 1, 222].
- *Qælæržžyn* ‘(Место), поросшее смородиной’ [ТЮО, 1, 455]. Ср. ирон. *qælæržy*, кудар. *qælæržy* ‘смородина’.
- *Zæyiatæ / Žæyiatæ* ‘Джагаево’, букв. «Джагаевы» [ТЮО, 1, 289]. Во второй форме $ž$ - из $ž$ -, что свидетельствует о субституции $з > ž$, поскольку Джагаевы — носители цокающего диалекта. В прошлом существовали две формы данного топонима (*resp.* фамильного имени): **Zæyiatæ* и **Žæyiatæ* — последнюю отражает русское написание *Джагаевы*.
- *Zæyojy axo* ‘Кулига Дзаго’ [ТЮО, 2, 67], *Zæyojy хвумтæ* ‘Пашни Дзагоевых’ [Там же], *Zæyojy qæw* ‘Селение Дзагоевых’ [Там же, 281]. Ср. топоним *Zæyojy mæsk* ‘Балка Дзаго’ в Северной Осетии [Цагаева, 1975, 397].
- *Zigojy lasæn* ‘Место провоза (сена?) Зиго’ [ТЮО, 1, 451, 477], *Zigojy fætæn* ‘Поляна Зиго’ [Там же, 462], *Zigojy fændag* ‘Дорога Зигоевых’ [Там же, 516], *Zigojy xussar* ‘Южный склон Зигоевых’ [ТЮО, 2, 237]. От мужского личного имени *Zigo* и фамильного имени *Zigojtæ* ‘Дзигоевы’.

3.1.2.2. Топонимы с $z < груз. з$

- *Donazejy qæd* ‘Лес Доназе’ [ТЮО, 2, 45] — от грузинского фамильного имени *Donaзе*.
- *Donazejy særvæt* ‘Пастбище Доназе’ [ТЮО, 2, 99].
- *Gwyrzela* ‘Длинная’ [ТЮО, 1, 443] < груз. *grzeli* ‘длинный’ + суфф. *a*-.
- *Zarizæng* ‘Пригорок с кукурузником’ [ТЮО, 2, 255], ср. груз. *zari* ‘сапетка; кукурузник (большая корзина на четырех столбах для хранения кукурузы)’.

3.1.3.1. Топонимы с согласным $с$

- *Cibajy k’ul* ‘Склон, (принадлежащий) Циба’ [ТЮО, 2, 196].
- *Cicajy swadon* ‘Родник Цица’ [ТЮО, 2, 40].
- *Cicoaxo* ‘Кулига Цицо’ [ТЮО, 2, 88], *Cicojy хвумтæ* ‘Пашня Цицо’ [Там же], *Cicoty хвумтæ* ‘Пашня Цицоевых’ [Там же], *Cicoty adag* ‘Овраг Цицоевых’ [Там же, 192], *Cicojy č’obi* ‘Болото Цицо’ [Там же, 254], *Cicoty qæw* ‘Селение Цицоевых’ [Там же, 297, 307].

- *Cucajy xwumtæ* ‘Пашни Цуца’ [ТЮО, 2, 88].
- *Xucity xwum* ‘Пашня Хуциевых’ [ТЮО, 2, 86].

3.1.3.2. Топонимы с *s* (< *c*)

- *Silžyn* ‘Поросший папоротником’ [ТЮО, 1, 235].
- *Silžyn adag* ‘Овраг, поросший папоротником’ [ТЮО, 2, 191].
- *Pisarty faetæny ugærdæn* ‘Луг на поляне (с дорожкой, выложенной) досками’ [ТЮО, 1, 466], ср. груз. *picari* ‘доска’.

3.1.3.3. Топонимы с геминированным *ss*

- *Guccyl axo* ‘Небольшая кулига’ [ТЮО, 1, 367].
 - *Guccyl Gufta* ‘Малая Гуфта’ [ТЮО, 1, 275].
 - *Guccyl kom* ‘Маленькое ущелье’ [ТЮО, 1, 406].
 - *Guccyl qæw* ‘Малое селение’ [ТЮО, 1, 276].
 - *Guccyl xærd* ‘Небольшой подъем’ [ТЮО, 1, 334]
- и т. п.

3.1.3.4. Топонимы с *c'* (< *cc*)

- *Gyc 'yl læbyrd* ‘Небольшой обвал’ [ТЮО, 1, 347].
 - *Gyc 'yl qæd* ‘Маленький / небольшой лес’ [ТЮО, 1, 232].
 - *Gyc 'yl qugom* ‘Небольшое пахотное поле’ [ТЮО, 1, 241].
 - *Gyc 'yl xid* ‘Маленький мост’, ‘Мостик’ [ТЮО, 1, 396]
- и т. п.

3.1.3.5. Топонимы с *c* < груз. *c*

- *Bercixy qæd* ‘Лес (местности) Берцих’ [ТЮО, 1, 442].
- *Cic(i)k'ara* ‘Ворота Цици (?)’ [ТЮО, 2, 185].
- *Cixižwar* ‘Святилище (у) башни’ [ТЮО, 2, 328].
- *Suacxuli* [ТЮО, 2, 20], где *-cxuli* < груз. *cxviri* ‘выступ’.
- *Macxwari* ‘Спаситель’ [ТЮО, 2, 323] < груз. *macxovari* ‘то же’.

3.1.3.6. Топонимы с *c* < груз. *š* (по ассимиляции?)

- *Suacxuli* [ТЮО, 2, 20] — из груз. *Šua-cxviri* ‘Средний выступ’; возможно, по ассимиляции. Ср. топоним *Suacxur* / *Suacxur* ‘Средний выступ’ [Там же, 484].

3.2. Чисанские топонимы

3.2.1.1. Топонимы с *č* < кудар. *č*

- *Ænæbyn čad* ‘Бездонное озеро’ [ТЮО, 2, 384, 551].
- *Væxnajæp čad* ‘Озеро, в котором купают лошадей’ [ТЮО, 2, 217].
- *Vexčojy tæsyg* ‘Башня Бехчо’ [ТЮО, 2, 518].
- *Vibylyt qugoty čad* ‘Озеро на пашне / у пашни Бибиловых’ [ТЮО, 2, 385].
- *Čad* ‘Озеро’ [ТЮО, 2, 552; 3, 366].
- *Čady k'axyr* ‘Расселина у озера’ [ТЮО, 2, 592].

- *Čady fæz* ‘Озёрная поляна’ [ТЮО, 2, 438].
- *Čædtæ* ‘Озёра’ [ТЮО, 2, 592].
- *Čilžyn* ‘(Место), поросшее папоротником’ [ТЮО, 2, 438]. Любопытно, что информант, поясняя значение топонима, употребил форму *sil* (< *cil*) ‘папоротник’, а не *čil* ‘то же’: *siltæ zy is* «там растёт папоротник» [Там же].
- *Dočijy xussar* ‘Южный склон Дочи’ [ТЮО, 3, 217]. Ср., однако, ойконим *Docitæ* ‘Доциево’ [Там же, 242].
- *K’axury čad* ‘Озеро (у) расселины’ [ТЮО, 2, 552].
- *Nak’araty čad* ‘Озеро Накаровых’ [ТЮО, 3, 41].
- *Qæzžyn čad* ‘Камышовое озеро’ [ТЮО, 3, 42].
- *T’ybety čad* ‘Озеро (местности) Тывет’ [ТЮО, 3, 42].
- *Wæjgwyty čad* ‘Озеро великанов’ [ТЮО, 3, 42].

3.2.1.2. Топонимы с *č* < груз. *č*

- *Čalažyn* ‘Поросшая бурьяном’ [ТЮО, 2, 627], ср. груз. *čala* ‘солома; высокая трава; камыш; бурьян’.
- *Čangalifæz* ‘Виноградное поле’ [ТЮО, 2, 592], ср. груз. *čangali* ‘виноградная лоза’ и осет. *fæz* ‘поляна; поле; равнина’.
- *Čančxara* ‘Родничок’ [ТЮО, 2, 545], ср. груз. *čančkara* ‘водопад’.
- *Čančxaro* ‘Родник’ [ТЮО, 3, 86] — см. предыдущий топоним.
- *Čaparty axo* ‘Кулига Чапаровых’ [ТЮО, 2, 575].
- *Rčeulity xwytæ* ‘Пашня Рчеулишвили’ [ТЮО, 2, 568].

3.2.1.3. Топонимы с *č* < груз. *c*

- *Čuačxury adag* ‘Чуачхурский овраг’ [ТЮО, 2, 363] < груз. *Šua-cxviri* ‘Средний выступ’, ср. выше *Suačxuli* [Там же, 20].
- *Č’ečiaġ* ‘Глинозём’ [ТЮО, 2, 438] < груз. *k’eci* ‘глина’, ‘глиняная сковорода для печения хлеба (преимущественно кукурузного)’ + осетинский суффикс предназначения *ag-*, букв. «(глина), предназначенная для сковороды».
- *Č’ečiaġ zængtæ* ‘Пригорки с глинозёмом’ [ТЮО, 2, 393].
- *Č’ečiažy zæng* ‘Пригорок с глинозёмом’ [ТЮО, 3, 26].
- *Č’ečiaġtæ* ‘Глинозём’ [ТЮО, 3, 71].
- *Č’eči k’axæp* ‘Место, где берут глину’ [ТЮО, 2, 652].

3.2.1.4. Топонимы с *č* < груз. *š*

- *Čuačxury adag* ‘Чуачхурский овраг’ [ТЮО, 2, 363].

3.2.1.5. Дублетные топонимы с *c/č*

- *Saparux* / *Čaparux* — название селения [ТЮО, 2, 498].
- *Cilžyn fæzy don* / *Čilžyn fæzy don* ‘Родник на поляне, поросшей папоротником’ [ТЮО, 3, 338], ср. *cil* / *čil* ‘папоротник’.
- *Karcux* / *Karčox* — название селения [ТЮО, 3, 147, 249].

▪ *Xelcua / Xelčua* — название селения [ТЮО, 2, 494].

▪ *Xuncægtæ* ‘Хинчагово’ — название селения, грузинская форма которого *Xinčagaani* [ТЮО, 3, 116]. От осетинского фамильного имени *Xuncægtæ* ‘Хинчагов-вы’, носители которого проживают здесь. Судя по грузинской форме, в прошлом употреблялся и вариант *Xuncægtæ*, откуда рус. *Хинчаговы*.

3.2.1.6. Топонимы с *c* < груз. *č*

▪ *Calazyn* ‘Поросшее камышом’ [ТЮО, 3, 365], ср. груз. *čala* ‘камыш’.

▪ *Cyrdilo* — название селения [ТЮО, 3, 419], ср. груз. *črdilo* ‘северный’.

3.2.1.7. Топонимы с *č*, *z* в составе одной формы

▪ *Čady zyqq* ‘Озёрный овражек’ [ТЮО, 2, 592].

3.2.1.8. Топонимы с *c* < груз. *c*

▪ *Č’eciægty xwumtæ* ‘Суглинистая пашня’ [ТЮО, 3, 71], ср. груз. *k’eci* (см. выше).

3.2.1.9. Топонимы с *s* < груз. *c*

▪ *Samcxa* — название селения, грузинская форма которого *Самсха* [ТЮО, 3, 110, 117].

3.2.1.10. Грузинские топонимы чисанского ареала с *č* < осет. *č*

▪ *Čantiant axo* ‘Кулига Чантиевых’ [ТЮО, 3, 376] — от осетинской фамилии *Cændiatæ*.

▪ *Vačila* ‘Св. Вачилла’ [ТЮО, 3, 199]. Ср. ирон. *Wacilla*, кудар. *Wašilla*, ст.-кудар. *Wačilla* — название божества грозы и урожая.

▪ *Vačilaant kedi* ‘Хребет (святых) Вачилл’ [ТЮО, 3, 184].

▪ *Vačliat kedi* ‘Хребет (святого) Вачила’ [ТЮО, 3, 371].

▪ *Vačli(t) kedi* ‘Хребет (святого) Вачила’ [ТЮО, 3, 368].

▪ *Wačileebi* ‘Святилище) Вачилл’ [ТЮО, 2, 253, 327].

▪ *Хаčirebi* ‘Хачирово’ [ТЮО, 3, 370, 375] — от осетинской фамилии *Хачыртæ*.

3.2.2.1. Топонимы с *ž*

▪ *Kuža axo* ‘Кулига Куджа’ [ТЮО, 2, 564].

▪ *Kužu swadon* ‘Родник Куджа’ [ТЮО, 3, 176].

▪ *Mælžiččyn* ‘Обильное муравьями’ [ТЮО, 2, 587] при чисан. *mælžyg*, кудар. *mælžyg* ‘муравей’.

3.2.2.2. Топонимы с *ž* < груз. *z*

▪ *Grželi kedi* ‘Продолговатый хребет’ [ТЮО, 3, 143], ср. груз. *grželi* ‘длинный’.

3.2.2.3. Топонимы с *ž* < груз. *ž*

▪ *Guža axo* ‘Кулига Гуджа’ [ТЮО, 2, 560].

3.2.2.4. Дублетные топонимы с \check{z}/z

- *Zwaret / Žwaret* ‘Местность (у) святилища’ [ТЮО, 2, 607].
- *Zangat / груз. Žangat-k’ari* ‘Дзангаево’, ‘Селение Дзангаевых’, ‘Двор Дзангаевых’ [ТЮО, 3, 97]. От фамильного имени *Zanægatae* ‘Дзанаговы’ — в прошлом, как это видно из грузинской формы, имя встречалось и в форме *Žanægatae* ‘Джанаговы’.

3.2.2.5. Топонимы с $z <$ груз. \check{z}

- *Zonzoližun lænk* ‘Ложбина, поросшая клекачкой’ [ТЮО, 3, 45], ср. груз. *žonžoli* ‘клекачка’.
- *Zonzoli žuqq* ‘Овражек, поросший клекачкой’ [ТЮО, 3, 79].

3.2.2.6. Топонимы с $z <$ груз. z

- *Zaribijæn* ‘Место, где плетут кукурузник’ [ТЮО, 3, 73], ср. груз. *zari* ‘сапетка; кукурузник’.
- *Zeliwaæn* ‘Место ската брёвен’ [ТЮО, 3, 162], ср. груз. *zeli* ‘брус, дерево’.
- *Zelitæ waæn* ‘Место ската брёвен’ [ТЮО, 3, 165].

3.2.2.7. Грузинские топонимы чисанского ареала с $\check{z} <$ осет. z

- *Axmaži* — название селения, осет. *Axmaz* [ТЮО, 3, 379], ср. ойконим *Aqmaz < *Aqmaz* в Северной Осетии. Похоже, что грузинская форма идет не из современной чисанской, а из дочисанской, кударской, формы **Axmaž*.

Приведенный материал свидетельствует о былом смешении иронского и кударского диалектов осетинского языка в горной зоне Северной и Южной Осетии. Смешение диалектов повлекло за собой, прежде всего, смешение зубного и палатального рядов в системе аффрикат, т. е. наиболее характерных фонем каждого из этих диалектов, отразившееся в вариативном употреблении ряда слов. При этом там, где дентальная артикуляция аффрикат оказалась со временем доминирующей, шипящие аффрикаты стали использоваться для придания некоторым словам экспрессивного значения. И наоборот — там, где возобладала шипящая артикуляция, в качестве экспрессивного маркера стали использоваться свистящие аффрикаты.

Надо полагать, что слов, оформленных по нормам другого диалекта, в период непосредственного смешения этих диалектов было гораздо больше, чем сейчас, — причем не только в экспрессивной лексике, но и, видимо, в сакральной. Иначе трудно объяснить сохранение z в названии *Qæd zarvæz*, относящемся к ареалу кударского диалекта, где *zar-* из *zwar* ‘божество; святилище’.

Этой же причиной следует объяснять сохранение \check{z} в грузинских топонимах осетинского происхождения как в ареале современного кударского диалекта, так и в ареале современного чисанского говора. В основном это топонимы,

образованные от теонима *Wačilla* ‘божество грозы и урожая’ — в прошлом, очевидно, это был один из наиболее почитаемых осетинских святых. В современных кударском и чисанском находим соответственно формы *Wašilla* и *Wacilla*, включая топонимию.

Поскольку из истории мы знаем, что причиной рассматриваемого смешения стал массовый уход ироноязычного населения равнинной Алании в горы в период монгольского нашествия (XIII в.), а затем и нашествия Тимурленга (XIV–XV вв.), можно сделать вывод о том, что свистящие аффрикаты *c* и *ʒ* к тому времени уже имелись в иронском диалекте. В то же время в горной зоне Алании существовал другой диалект, в котором сохранились древнеиранские шипящие аффрикаты *č* и *ž*.

В разных зонах горной Осетии процессы смешения этих диалектов происходили параллельно и независимо. Этим объясняются расхождения в лексике, содержащей *č* и *ž*, в говорах иронского диалекта. Аналогичное положение находим в топонимии. В чисанском ареале довольно много топонимов с *č* и *ž*, тогда как в горной зоне Северной Осетии (Туалии) их почти нет¹⁶ — но там, где они встречаются, они лексически расходятся с чисанскими. Ср. топонимы *Čaryaty xwumtæ* ‘Пашни Чаргаевых’ [Цагаева, 1975, 277], *Gončajy fæz* ‘Поляна Гонца’ [Там же, 229] и *Gončajy fæz* ‘то же’ [Там же, 280] при *Gončitæ* ‘Гончиево’ [Там же, 229] — от мужского имени *Gonca* / *Gonča*. Впрочем, имеется совпадение с топонимией Кобанского ущелья, где также зафиксирован топоним *Čilžyn* ‘Обильный папоротником’ [Там же, 23].

Рассматриваемый процесс смешения можно сформулировать и в терминах теории субстрата. В горной зоне Северной Осетии, а также в восточной части Южной Осетии средневековый кударский послужил субстратом для иронского — в западной же части, наоборот, иронский послужил суперстратом для кударского.

По мере стабилизации произносительной нормы каждого из вновь образовавшихся диалектов количество «незакономерных» форм постепенно сокращалось. «Незакономерные» формы сохранились, во-первых, в словах с экспрессивным значением, а во-вторых, в топонимии. Таким образом, топонимия Осетии является одним из источников наших знаний о былом взаимодействии между диалектами осетинского языка.

Известно, что некоторым фонемам, вошедшим в иранские языки из языков соседних народов, было придано экспрессивное значение. Такова, например, судьба кавказских абруптивов в осетинском языке [Абаев, 1949, 522, 523–524; 3, 331], а также судьба увулярной смычной фонемы *q*, вошедшей в осетинский язык из тюркских языков [Абаев, 2, 47]. Аналогична судьба церебральных фонем

¹⁶ Впрочем, у нас нет уверенности в том, что именно в отношении аффрикат материал А. Д. Цагаевой надежен: создается впечатление, что она «подгоняла» его под нормы литературного языка.

ареального происхождения в некоторых памирских языках, которые в ваханском языке используются в качестве экспрессивного маркера (ср. термин *экспрессивная церебрализация* [ЭСВЯ, 302, 370, 381]).

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что звуки, вошедшие в кударский диалект из иронского и, наоборот, в чисанский и горные говоры иронского диалекта из кударского, стали использоваться в качестве средства маркирования экспрессии.

В топонимии положение несколько иное. Здесь фонемы *c* и *z* сохранились прежде всего в названиях отантропонимического происхождения. Например, фамильное имя *Zigojtae*, являясь иронским по происхождению, встречается исключительно в кударском ареале Южной Осетии, а два других — *Zerantae* и *Zuk'atae*, также являясь иронскими, представлены как в иронском, так и в кударском ареале. Поэтому первая из них в быту употребляется в форме *Zigojtae*, а в топонимии — в форме *Zigojtae*, тогда как две другие спирантизированной формы не имеют. А фамильное имя *Zæyojtae* 'Дзагоевы', будучи по происхождению иронским, и в быту и в топонимии Южной Осетии употребляется исключительно в спирантизированной форме, что свидетельствует о давности его заимствования.

К числу очень древних относятся и грузинские по происхождению топонимы кударского ареала, в которых *z < z* (*Donaze < Donaze* и пр.).

В разбираемой категории топонимов есть производные от апеллятива *æxsærzæn / æxsærzæn* 'водопад', который является иронским и дигорским, но не кударским. В кударском диалекте в значении 'водопад' находим *donxawæn, xawændon, xawagdon* и *xawgædon* от *xawyn* 'падать', букв. «падающая вода». Эти формы представлены также в топонимии Южной Осетии, хотя рядом с ними локализованы и гидронимы от *æxsæržæn (< *æxsæržæn)* 'водопад'. При этом заимствованная из иронского форма *æxsærzæn / æxsærzæn* используется преимущественно в топонимии, а исконная (*donxawæn* и пр.) — также и в обыденной речи. Три формы слова *æxsærzæn* говорят о разновременном его заимствовании. Форма *æxsæržæn (< *æxsæržæn)*, возможно, входит в число наиболее древних и относится к эпохе, когда иронское *z* в кударском еще подвергалось субституции *ž. Впоследствии, когда иронского населения в Южной Осетии стало слишком много и в язык осетин-кударцев потоком хлынули заимствования из иронского, свистящая аффриката *z* либо сохранялась, либо подвергалась спирантизации.

Причины сохранения форм *æxsærzæn / æxsærzæn* в кударской топонимии не совсем ясны. Возможно, водопады вызывали особое к себе отношение — как к воде не просто струящейся, текущей, бегущей, а падающей, да еще с шумом и брызгами. Это могло стать причиной выделения водопадов из общего ряда водных потоков с помощью особой лексемы или особой формы.

То же самое можно сказать о лексеме *cil* 'папоротник', представленной в кударском ареале в форме *sil*, где *s- < c-*. Эта лексема известна и в кударском диалекте, а также в топонимии кударского ареала в закономерной форме *šil*

из *čil*. Крайне интересно, что эта же лексема в топонимии чисанского ареала представлена в двух формах: иронской *cil*- и кударской *čil*-. Причины фонетических аномалий в данном случае неясны: лексема не относится ни к числу экспрессивных, ни к числу сакральных. В то же время перекрестная изоглосса *sil / šil / cil / čil* ‘папоротник’ — единственная во всей топонимии Южной Осетии, обнаруживающая фонетические аномалии в ареале как кударской, так и чисанской топонимии.

Большинство кударских топонимов с *c* имеет отантропонимическое происхождение. Единственной изоглоссой кударского ареала, в которой незакономерное *c/cc* (> *c'* > *z*) представлено как в аппеллятивной лексике, так и в топонимии, является слово *gycyl* ‘маленький’. Топоним *Macxwari* ‘Спаситель’, заимствованный из грузинского языка, в другом регионе кударского ареала встречается в форме *Mašxara* [ТЮО, 1, 377–378]. Последняя из этих форм, предполагающая субституцию груз. *c* > кудар. *č* и спирализацию *č* > *š*, представляется нам более древней.

Таким образом, аффрикаты в составе заимствованных слов подчинились общим правилам кударского диалекта: первоначально *c* и *z* в заимствованных словах подвергались субституции *č* и *ž*, но после упомянутого междиалектного смешения свистящие аффрикаты либо сохранились, либо подвергались спирализации.

Зеркальным отражением описанных процессов являются перекрестные изоглоссы чисанского ареала.

В этом ареале интересно прежде всего сохранение формы *čad* ‘озеро’ как в бытовой речи, так и в топонимии. Это слово встречается и в чисто чисанской форме *cad*. В связи с этим представляет интерес распределение двух этих форм в топонимии чисанского ареала. В Чисанском ущелье, т. е. в наиболее отдаленном от современного кударского ареала регионе, все озера носят названия, производные от формы *cad*. Единственный случай фиксации здесь формы *čad* в топонимии — это название пашни, а не озера: *Čad* [ТЮО, 3, 366]. Очевидно, когда-то в данной местности было небольшое озеро — со временем оно высохло, но память о нем сохранилась в топонимии. Таким образом, упомянутый топоним является весьма древним, а все лимнонимы на *cad* — относительно новыми. Не означает ли сказанное, что стабилизация фонем *c/z* в чисанском регионе началась с Чисанского ущелья? Если бы это было не так, то трудно было бы объяснить и причину именования самого говора чисанским, тогда как большая часть его носителей проживает за пределами Чисанского ущелья¹⁷.

Крайне интересна чисанская форма *č'eči*- ‘глина’ из груз. *k'eci* ‘глиняная сковорода’, др.-груз. *k'eci* ‘глина’. Собственно чисанская форма *k'eci* также встречается в бытовом языке и топонимии чисанского ареала. Форма *č'eči*- указывает на кударскую субституцию *c* > *č*; современная кударская форма *č'eši*- также

¹⁷ О других причинах распространения данного наименования на весь чисанский ареал см. [Дзищойты, 2008, 10–14].

указывает на старокударскую форму *č'eči-*. Таким образом, даже одного этого примера было бы достаточно для постулирования былого кударско-иронского смешения в ареале чисанского говора. Аналогичного происхождения *ž* в чисанских топонимах *Mælžiččyn* от кудар. *mælžyg* 'муравей' и *Grželi kedi* от груз. *grželi* 'длинный'.

После стабилизации системы аффрикат в чисанском говоре грузинские *č* и *ž* стали подвергаться субституции, ср. *cala-* 'камыш' из груз. *čala* 'то же', *Cyrdilo* 'Северный (склон)' из груз. *črdilo* 'северный', *zonzoli* 'клекачка' (в быту и топонимии) из груз. *žonžoli* 'то же'. Шипящие *č* и *ž* сохранились только в старых заимствованиях из кударского и в древнейшей части топонимии.

Если с учетом сказанного вернуться к изоглоссам *færæt*, *rætæn* и *talm*, то можно высказать предположение о наличии у древнеосетинских *ð* (< *š) и *d* (< *δ < *ž) экспрессивного значения. В связи с этим наше внимание привлекали и некоторые другие факты [Дзиццойты, 2008, 115].

В своем исследовании о праязыке человечества А. М. Газов-Гинзберг, анализируя звукоизобразительные и звукоподражательные слова различных языков мира, привлекает и осетинский материал. В общем контексте звуковой символики автор сопоставляет, но специально не комментирует, в частности, осетинские *zyr-zyr* ~ *dyz-dyz* 'звук при дрожи' [Газов-Гинзберг, 1965, 21] и *zaellang* ~ *t'aellang* 'звон' [Там же, 25]¹⁸. Можно привести еще несколько случаев варьирования *z-/d-*, а также *s-/t-* в составе осетинских звукоподражаний и идеофонов. Это *zyğğwytt* / *dyğğwytt* 'швыряние, бросок', *zyvvytt* / *dyvvytt* 'то же', *sæp'aen* / *t'aepaen* 'плоский, уплощенный', *sæbækk* / *tæbækk* 'то же', *særrætt* / *tærrætt* 'сильный резкий прыжок', *syffytt* / *tyffytt* 'сильный порыв ветра' и образованное на базе последнего *syfyt'i* / *tyfti* 'легкомысленный', *šyllapp* / *t'yllapp* 'звук от хождения по топкому месту, по дождевым лужам'.

В. И. Абаев в связи с парой *sæbækk* / *tæbækk* говорит о характерном для осетинских звукоизобразительных слов иррегулярном перебое *t- > s-* [Абаев, 3, 52]. Если данную закономерность возвести на скифский уровень, то мы получим чередование **s-//ð-* и, соответственно, **z-//δ-*. Надо полагать, что вторые члены данных пар (*ð-*, *δ-*) в прошлом выполняли ту же функцию, что и экспрессивная геминация или экспрессивная абруптивация в современном осетинском языке. Таким образом, если перебой **š- > ð-* и **ž- > δ-* был исконно скифским, первоначально он мог служить в целях экспрессии¹⁹.

Сравнение изоглосс *č/c* и *ž/z* с изоглоссами *s/t* и *z/d* в осетинском показывает, что последние из них встречаются в остаточном виде в общеосетинском

¹⁸ В последнем примере *t'*-, несомненно, из *d-*.

¹⁹ Другим проявлением экспрессивности древнеосетинского **ð* можно считать перебой **d > *ð > t* в некоторых исконно иранских словах: *mætyx* 'саранча' вместо **mædyx*, *nytæt* 'войлок; бурка' вместо **nytmæd* и т. п.

лексическом фонде²⁰, не участвуя в образовании топонимии Осетии, тогда как первые, также являясь остаточным явлением, распространены в разных по происхождению лексемах и активны в топонимотворчестве. Это указывает на чрезвычайную архаичность вторых и относительную «молодость» первых.

Источники

- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 4 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР : Наука, 1958–1989.
- АбхРС* — Абхазско-русский словарь : в 2 т. / сост. В. А. Касландзия. Сухум : Олма-пресс, 2005.
- ИÆД* — Ирон æвзаджы æмбарынгæнан дзырдут : в 2 т. М. : Наука, 2007–2010.
- ИУД* — Ирон-уырыссаг дзырдут. 3-аг баххæстгонд рауагъд. Орджоникидзе : Ир, 1970.
- КЭСКЯ* — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Переизд. с доп. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999.
- Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь : в 3 т. Л., 1927–1934.
- СКЯ* — *Климов Г. А., Халилов М. Ш.* Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики. М. : Вост. лит., 2003.
- ТЮО 1–2* — *Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А.* Топонимия Южной Осетии. М. : Наука, 2013–. Т. 1–.
- ТЮО 3* — *Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А.* Топонимия Южной Осетии (рукопись).
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1986–1987.
- Цаболов Р. Л.* Этимологический словарь курдского языка : в 2 т. М. : Вост. лит., 2001–2010.
- ЭСВЯ* — *Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб. : Петерб. востоковедение, 1999.
- ЭСИЯ* — *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. М. : Вост. лит., 2000–. Т. 1–.
- ЯРС* — *Эдельман Д. И.* Язгулямско-русский словарь. М. : Наука, 1971.

Исследования

- Абаев В. И.* Древнеперсидские элементы в осетинском языке // *Иранские языки* : в 2 т. / под ред. В. И. Абаева. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1945–1950. Т. 1. С. 7–12.
- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949.
- Абаев В. И.* Введение // *Грамматика осетинского языка* : в 2 т. / под ред. Г. С. Ахвледиани. Орджоникидзе : НИИ при Совете министров Сев.-Осет. АССР, 1963–1969. Т. 1. С. 9–36.
- Абаев В. И.* О перекрестных изоглоссах // *Этимология 1966* / отв. ред. О. Н. Трубачев. М. : Наука, 1968. С. 247–263.
- Абаев В. И.* Как можно улучшить этимологические словари // *Этимология 1984* / отв. ред. О. Н. Трубачев. М. : Наука, 1986. С. 7–27.
- Абаев В. И.* Избранные труды : в 2 т. Владикавказ : Ир, 1995.
- Ахвледиани Г. С.* Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси : Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1960.
- Бгажба Х. С.* Труды. Книга вторая : исследования и очерки. Сухуми : Алашара, 1988.
- Газов-Гинзберг А. М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М. : Наука, 1965.

²⁰ Лишь в случае с парой *syffytt / tyffytt* можно утверждать, что последний член чаще употребляется в Южной Осетии, тогда как из производных форм *syfyt'i* — исключительно югоосетинская, а *tyfi* — общеосетинская.

- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы : в 2 т. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
- Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М. : Наука, 1970.
- Грантовский Э. А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М. : Вост. лит., 1998.
- Дзицойты Ю. А.* Очерк чисанского говора осетинского языка. Цхинвал, 2008 (на осет. яз.).
- Дзицойты Ю. А.* Вопросы осетинской филологии : в 3 т. Цхинвал : Республика, 2017–. Т. 1–.
- Исаев М. И.* Смешанное иронско-дигорское наречие жителей Уаллагкома // Изв. Сев.-Осет. НИИ. 1959. Т. 21. Вып. 4 (Языкознание). С. 85–100.
- Исаев М. И.* К интерференции близкородственных языковых систем (на осетинском языковом материале) // Иранское языкознание: история, этимология, типология. К 75-летию проф. В. И. Абаева / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1976. С. 64–70.
- Исаев М. И.* Территориально-функциональная характеристика осетинского литературного языка // Изв. Юго-Осет. НИИ АН ГССР. 1981. Вып. 26. С. 12–21.
- Исаев М. И.* Осетинский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа / ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1987. С. 537–643.
- Калоев Б. А.* Осетинские историко-этнографические этюды. М. : Наука, 1999.
- Кулланда С. В.* Скифы: язык и этногенез. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Куьдзойты А.* Ирон ныхасы культурæ. Дзæуджыхъæу : Изд-во СОГУ, 2014 (на осет. яз.).
- Оранский И. М.* Фольклор и язык гиссарских парья. М. : Наука, 1977.
- Пахалина Т. Н.* Исследование по сравнительно-исторической фонетике памирских языков. М. : Наука, 1983.
- Расторгуева В. С.* Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М. : Наука, 1990.
- Тохтасьев С. Р.* Проблема скифского языка в современной науке // *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest* / ed. by F. Solomon. Iași : Trinitas, 2005. P. 59–108.
- Трубачев О. Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // *Этимология 1970* / отв. ред. О. Н. Трубачев. М. : Наука, 1972. С. 3–20.
- Хромов А. Л.* Ягнобский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа / ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1987. С. 644–701.
- Цагаева А. Д.* Топонимия Северной Осетии : в 2 ч. Орджоникидзе : Ир, 1975.
- Шёгрэн А.* Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и российско-осетинским. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1844.
- Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М. : Наука, 1986.
- Эдельман Д. И.* Иранские и славянские языки: исторические отношения. М. : Вост. лит., 2002.
- Эдельман Д. И.* Еще раз о кавказском названии плуга // *Этимология 2003–2005* / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М. : Наука, 2007. С. 327–333.
- Эдельман Д. И.* Роль миноритарных арийских языков в реконструкции истории языковой семьи // *Миноритарные языки Евразии: проблемы языковых контактов* / отв. ред. И. И. Челышева. М. : Тезаурус, 2009. С. 10–51.
- Bailey H. W.* Ossetic (Nartā) // *Traditions of Heroic and Epic Poetry. Vol. 1* / ed. by A. T. Hatto. London : MHRA, 1980. P. 236–267.
- Bailey H. W.* Zolaq and Colaqa // *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday*. Rome : Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, 1998. P. 27–30.
- Gershevitch I.* Dialect Variation in Early Persian // *Transactions of the Philological Society*. 1965. P. 1–29.
- Gershevitch I.* The Ossetic 3-rd Plural Imperative // *Transactions of the Philological Society*. 1991. Vol. 89 (2). P. 221–234.
- Gershevitch I.* Linguistic Geography and Historical Linguistics // *La posizione attuale della linguistica storica nell’ambito delle discipline linguistiche* / com. sei. F. Gabrieli et al. Roma : Accademia Nazionale dei Lincei, 1992. P. 165–181.

Gershevitch I. Fossilized Imperatival Morphemes in Ossetic // *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday.* Rome : Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, 1998. P. 141–159.

Harmatta J. Studies in the History and Languages of the Sarmatians. Széged : [s. n.], 1970.

Holmer N. On the “Crosswise Intersectant” Aspect of Phonetic Evolution within Two Linguistic Families of the Oceanian Area // *Вопросы иранской и общей филологии* / гл. ред. Н. Я. Габараев. Тбилиси : Мецниереба, 1977. С. 297–304.

Рукопись поступила в редакцию 02.10.2017

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

авест.	авестийский язык	новоперс.	новоперсидский язык
араб.	арабский язык	общеиран.	общеиранский язык
арм.	армянский язык	общеосет.	общеосетинский язык
афг.	афганский (пушту) язык	осет.	осетинский язык
вахан.	ваханский язык	перс.	персидский язык
груз.	грузинский язык	санг.	сангесарский язык
дигор.	дигорский диалект осетинского языка	сван.	сванский язык
др.-груз.	древнегрузинский язык	семн.	семнанский язык
др.-иран.	древнеиранский язык	ср.-перс.	среднеперсидский язык
др.-перс.	древнеперсидский язык	ст.-кудар.	старокударский диалект осетинского языка
и.-е.	индоевропейский праязык	тадж.	таджикский язык
ирон.	иронский диалект осетинского языка	узб.	узбекский язык
кудар.	кударский диалект осетинского языка	хорезм.	хорезмийский язык
ласг.	язык ласгерди	чисан.	чисанский говор осетинского языка
мундж.	мунджанский язык	шугн.	шугнанский язык
		язгулям.	язгулямский язык

Дзиццоиты Юрий Альбертович

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой осетинской
филологии и общего языкознания
Юго-Осетинский государственный университет
100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал,
ул. Московская, 8
E-mail: dzicc@mail.ru

Dzitssoity, Yuri Albertovitch

PhD, Associate Professor, Head
of the Department of Ossetian Philology
and General Linguistics
South Ossetian State University
8, Moskovskaya Str., 100001 Tskhinvali,
Republic of South Ossetia
E-mail: dzicc@mail.ru

Yuri A. Dzitssoity

South Ossetian State University
Tskhinvali, Republic of South Ossetia

**ON CRISS-CROSSING ISOGLOSSES
IN THE VOCABULARY AND TOPONYMY OF SOUTH OSSETIA**

The paper examines the facts of phonetic interference between the Kudar and Iron dialects of the Ossetian language on the basis of dialect vocabulary and toponymy of South Ossetia. Being a residual phenomenon, they testify to the dialect mixing that occurred in the earlier times of language development. The most striking indicator of interference is that most characteristic sounds of one dialect have been used in the other for emphatic purpose. In Iranian studies, the described phenomena are generally referred to as “criss-crossing isoglosses” (V. I. Abaev, D. I. Edelman, and others). However, the term is subject to varying interpretations and, in some studies, criss-crossing isoglosses may refer to inter-dialectal (in some cases also interlingual) lexical borrowings of the most ancient periods. While not disputing the abovementioned approach, the author proposes to address criss-crossing isoglosses as evidence of interdialectal phonetic interference. As suggested by E. A. Grantovsky, this kind of isoglosses originates from the inter-dialectal interaction and even confusion that took place in the distant past. The criss-crossing isogloss problem also correlates with the issues of substrate/superstrate and adstrate relations between cognate languages or dialects of one language. Thus, the task of specifying criss-crossing isoglosses is relevant not only for history (and historical phonetics, in particular) and dialectology of a given language, but also for shedding light on ethnogenesis and ethnic history.

K e y w o r d s: South Ossetia, Ossetian language, Kudar dialect, Iron dialect, Chisan dialect, toponymy, expressive vocabulary, phonetic interference, criss-crossing isoglosses.

- Abaev, V. I. (1945). Drevnepersidskie elementy v osetinskom iazyke [Ancient Persian Elements in the Ossetian Language]. In V. I. Abaev (Ed.), *Iranskie iazyki* [Iranian Languages] (Vol. 1, pp. 7–12). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Abaev, V. I. (1949). *Osetinskii iazyk i fol'klor* [Ossetian Language and Culture] (Vol. 1). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Abaev, V. I. (1963). Vvedenie [Introduction]. In G. S. Akhvlediani (Ed.), *Grammatika osetinskogo iazyka* [Ossetian Grammar] (Vol. 1, pp. 9–36). Ordzhonikidze: NII pri Sovete ministrov Severo-Osetinskoi ASSR.
- Abaev, V. I. (1968). O perekrestnykh izoglossakh [On Criss-Crossing Isoglosses]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologiya 1966* [Etymology 1966] (pp. 247–263). Moscow: Nauka.
- Abaev, V. I. (1986). Kak možno uluchshit' etimologicheskie slovari [How to Improve Etymological Dictionaries]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologiya 1984* [Etymology 1984] (pp. 7–27). Moscow: Nauka.
- Abaev, V. I. (1995). *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Vols. 1–2). Vladikavkaz: Ir, 1995.
- Akhvlediani, G. S. (1960). *Sbornik izbrannykh rabot po osetinskomu iazyku* [Selected Works on the Ossetian Language]. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo gos. un-ta.
- Bailey, H. W. (1980). Ossetic (Nartä). In A. T. Hatto (Ed.), *Traditions of Heroic and Epic Poetry* (Vol. 1, pp. 236–267). London: MHRA.
- Bailey, H. W. (1998). Zolaq and Colağ. In *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday* (pp. 27–30). Rome: Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente.

- Bgazhba, Kh. S. (1988). *Trudy* [Collected Works] (Vol. 2). Sukhumi: Alashara.
- Dzitstsoity, Yu. A. (2008). *Ocherk chisanskogo govora osetinskogo iazyka* [An Essay on the Chisan Sub-dialect of the Ossetian Language]. Tskhinval, 2008.
- Dzitstsoity, Yu. A. (2017–). *Voprosy osetinskoi filologii* [Issues in Ossetian Philology] (Vols. 1–3). Tskhinval: Respublika.
- Edelman, D. I. (1986). *Sravnitel'naia grammatika vostochnoiranskikh iazykov* [Comparative Grammar of East Iranian Languages]. Fonologiya. Moscow: Nauka.
- Edelman, D. I. (2002). *Iranskie i slavianskie iazyki: Istoricheskie otnosheniia* [Iranian and Slavic Languages: A Historical Perspective of Relations]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Edelman, D. I. (2007). Eshche raz o kavkazskom nazvanii pluga [Revisiting the Caucasian Name for Plough]. In Zh. Zh. Varbot (Ed.), *Etimologiya 2003–2005* [Etymology 2003–2005] (pp. 327–333). Moscow: Nauka.
- Edelman, D. I. (2009). Rol' minoritarnykh ariiskikh iazykov v rekonstruktsii istorii iazykovoi sem'i [The Role of Minority Aryan Languages in the Language Family Reconstruction]. In I. I. Chelysheva (Ed.), *Minoritarnye iazyki Evrazii: Problemy iazykovykh kontaktov* [Minority Languages of Eurasia: Problems of Linguistic Contacts] (pp. 10–51). Moscow: Tezaurus.
- Gamkrelidze, T. V., & Ivanov, V. V. (1984). *Indoeuropeiskii iazyk i indoeuropeitsy* [Indo-European and the Indo-Europeans] (Vols. 1–2). Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta.
- Gazov-Ginzberg, A. M. (1965). *Byl li iazyk izobrazitel'n v svoikh istokakh?* [Could the Language Be Figurative from its Beginning?]. Moscow: Nauka.
- Gershevitch, I. (1965). Dialect Variation in Early Persian. *Transactions of the Philological Society*, 1–29.
- Gershevitch, I. (1991). The Ossetic 3-rd Plural Imperative. *Transactions of the Philological Society*, 89 (2), 221–234.
- Gershevitch, I. (1992). Linguistic Geography and Historical Linguistics. In F. Gabrieli et al. (Eds.), *La posizione attuale della linguistica storica nell'ambito delle discipline linguistiche* [The Current Position of Historical Linguistics among the Linguistic Disciplines] (pp. 165–181). Roma: Accademia Nazionale dei Lincei.
- Gershevitch, I. (1998). Fossilized Imperative Morphemes in Ossetic. In *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday* (pp. 141–159). Rome: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente.
- Grantovskii, E. A. (1970). *Ranniaia istoriia iranskikh plemen Perednei Azii* [The Early History of Iranian Tribes of Western Asia]. Moscow: Nauka.
- Grantovskii, E. A. (1998). *Iran i irantsy do Akhemenidov. Osnovnye problemy. Voprosy khronologii* [Iran and Iranians before the Achaemenids. Main Problems. Chronology Issues]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Harmatta, J. (1970). *Studies in the History and Languages of the Sarmatians*. Széged: [s.n.].
- Holmer, N. (1977). On the “Crosswise Intersectant” Aspect of Phonetic Evolution within Two Linguistic Families of the Oceanian Area. In N. Ia. Gabaraev (Ed.), *Voprosy iranskoi i obshchei filologii* [Issues in Iranian and General Philology] (pp. 297–304). Tbilisi: Metsniereba.
- Isaev, M. I. (1959). Smeshannoe ironsko-digorskoe narechie zhitel'ei Uallagkoma [Mixed Iron-Digor Dialect of the Inhabitants of Uallagkoma]. *Izvestiia Severo-Osetinskogo NII*, 21(4), 85–100.
- Isaev, M. I. (1976). K interferentsii blizkorodstvennykh iazykovykh sistem (na osetinskom iazykovom materiale) [On the Interference of Closely Related Language Systems (Based on the Ossetian Language Material)]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Iranskoe iazykoznanie: istoriia, etimologiya, tipologiya. K 75-letiiu prof. V. I. Abaeva* [Iranian Linguistics: History, Etymology, Typology. On the 75th Anniversary of Prof. V. I. Abaev] (pp. 64–70). Moscow: Nauka.
- Isaev, M. I. (1981). Territorial'no-funktsional'naia kharakteristika osetinskogo literaturnogo iazyka [Territorial and Functional Characteristics of the Ossetian Literary Language]. *Izvestiia Iugo-Osetinskogo NII AN GSSR*, 26, 12–21.

- Isaev, M. I. (1987). Osetinskii iazyk [Ossetian Language]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Novoiranskii iazyki: vostochnaia gruppya* [Basics of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: Eastern Group] (pp. 537–643). Moscow: Nauka.
- Kaloev, B. A. (1999). *Osetinskie istoriko-etnograficheskie etudy* [Studies in Ossetian History and Ethnography]. Moscow: Nauka.
- Khromov, A. L. (1987). Iagnobskii iazyk [The Yaghnobi Language]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Novoiranskii iazyki: vostochnaia gruppya* [Basics of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: Eastern Group] (pp. 644–701). Moscow: Nauka.
- Kullanda, S. V. (2016). *Skify: iazyk i etnogenez* [Scythians: Language and Ethnogenesis]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniuu i nauke.
- Kuydzoity, A. (2014). *Iron nykhasy kul'turæ* [The Culture of the Iron People]. Dzæudzhykh"æu: Izd-vo SOGU.
- Oranskii, I. M. (1977). *Fol'klor i iazyk gissarskikh par'ia* [Folklore and Language of the Hissar Parya]. Moscow: Nauka.
- Pakhalina, T. N. (1983). *Issledovanie po sravnitel'no-istoricheskoi fonetike pamirskikh iazykov* [A Research into Comparative Historical Phonetics of the Pamir Languages]. Moscow: Nauka.
- Rastorgueva, V. S. (1990). *Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika zapadnoiranskikh iazykov. Fonologiia* [Comparative Historical Grammar of Western Iranian Languages. Phonology]. Moscow: Nauka.
- Shegren, A. (1844). *Osetinskaia grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossiiskim i rossiisko-osetinskim* [Ossetian Grammar with a Concise Ossetian–Russian and Russian–Ossetian Dictionary]. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Tokhtasyev, S. R. (2005). Problema skifskogo iazyka v sovremennoi nauke [Scythian Language as a Problem of Contemporary Scholarship]. In F. Solomon (Ed.), *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest* (pp. 59–108). Iași: Trinitas.
- Trubachev, O. N. (1972). Zametki po etimologii i sravnitel'noi grammatike [Notes on Etymology and Comparative Grammar]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologiia 1970* [Etymology 1970] (pp. 3–20). Moscow: Nauka.
- Tsagaeva, A. D. (1975). *Toponimiia Severnoi Osetii* [The Toponymy of North Ossetia] (Vols. 1–2). Ordzhonikidze: Ir, 1975.

Received 2 October 2017